

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:
**ПРОКЛЯТИЕ ЧЁРНОГО
ЕДИНОРОГА**

Продолжение следует...

ЕВГЕНИЯ
ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ

ПРОКЛЯТИЕ
ЧЁРНОГО
ЕДИНОРОГА

Freedom

МОСКВА
2023

ПЕРВАЯ
КАРТИНА

▼
ВОЛШЕБНЫЙ
МИР

ИНТЕРЛЮДИЯ

Единый Предвечный Источник Жизни есть всему отец и всему мать. Он образ и мелодия, строитель и нерушимая основа миров. Он искра, породившая пламя, и пища для развития живой души.

Нижние пласты демонических миров, срединные и божественные царства омываются изначальными водами Единого Источника, как дерево наполняется соками от корней и до самой кроны. Любое явление, каждое существо пропитано этой силой, лишь в разном ее качестве.

Словно родительский взор, полный любви к своему детищу, ласкают изначальные воды все то, что покрывают собой, что наполняют и частью чего являются Сами.

Однако в бесконечной жажде расширения появились вселенные столь далекие от Источника, что

даже любящий взгляд Его был не в силах достичь их.
Что же души, воплощенные в этих мирах?

Они подобны растениям, заброшенным в бескрайние пески и вечную ночь. Здесь каждое живое создание вынуждено искать для себя пищу либо погибнуть. И, найдя эту пищу, оно видоизменяется под стать ей...

ПРОЛОГ. ХОД КОРОЛЕВЫ

Облака за высокими окнами замка налились болезненной чернотой. По небу пробежали алые отблески. Загрохотало. Опалив пики гор, закатные краски отразились в бледно-зеленых глазах женщины. Сидящая за письменным столом, она замерла, будто замороженная, глядя на бушующую стихию.

На одно драгоценное мгновение женщина позволила себе погрузиться в прошлое: вспомнить то время, когда магия, что теперь сотрясала сферу их мира, служила созиданию. На самую крохотную долю мига ей представился лес, где трава была нежнее шелка, поляна, поросшая синими васильками и красными маками, а посреди поляны — большой бревенчатый дом. Их дом, где они так любили друг друга.

Но прошлое осталось в прошлом. А будущее, далекое будущее, приближалось с неотвратимой бы-

стротой. Приведенное в действие заклятие набирало силу. Следовало поторопиться и чародейке.

Время — слишком старый зверь, чтобы любить шалости. Оно не станет ждать — привычно сомкнет невидимые челюсти. И как знать, по какую сторону окажется замешкавшийся игрок: здесь, там или... посредине, разорванный клыками? В библиотеке, стоящей у перекрестка миров, были возможны любые варианты, в том числе и те, которые нельзя себе даже представить.

— В недоброе время ты покидаешь нас, Джива... — донесся с порога библиотеки тихий мужской голос.

— Время не бывает добрым или злым, — не оборачиваясь, ответила девушка.

— Я слышал, вопреки нашим традициям и закону Совет все же дал тебе разрешение уйти, — напряженно вымолвил незваный гость. — Но я прошу, подумай еще раз... Твои эксперименты со временем слишком опасны и, как знать, не безнадежны ли? Ты нужна здесь... Ты нужна мне... Опомнись, пока не поздно, хранительница!

— Поздно, уже поздно, — грустно улыбнулась Джива. — В этом мире мне нечего хранить... Я отрекаюсь от своего предназначения, от традиций и закона ради более важной задачи. Отныне мой долг — исследовать.

Голос мужчины, некогда такой родной, уже не волновал ее сердце, как это было раньше. Но, когда исследовательница взглянула на картину, которая ви-

села над письменным столом, в груди у нее защемило. Сколько счастья им было дано... когда-то.

Ее родители, изображенные на портрете, улыбались. У женщины волосы были цвета ночной синевы; у мужчины — белые, точно снег; а у трех дочерей, которых любовно обнимали мать и отец, переливались белым, рыжим и золотым огнем.

— Мы не пустили Врага в этот мир, но его появление стало важным знаком, — добавила исследовательница. — Я предвижу, что бой с ним не закончен...

Мужчина приблизился к ней, сжав кулаки.

— Моя королева Джива — горда и непреклонна, как всегда, — с неприкрытой горечью бросил он. — Я изучил исследования, которые ты предоставила Совету хранителей. Это лишь предположения. Обрывки текстов, что вы с Белой отыскали, — пустые слова...

— Пустые слова о Творце, об Источнике Силы, найденные в мире, не помнящем даже о богах — это чудо, — тихо ответила Джива. — Душа, написавшая их, может знать и другие ответы.

— Это просто буквы на бумаге! — разозлился мужчина. — И все же ты отрекаешься от предназначения, данного тебе по рождению! Ради чего? Чтобы исследовать один из умирающих миров и его жалкое население — людей?

— «Они подобны растениям, заброшенным в бескрайние пески и вечную ночь, — ответила королева словами из найденной рукописи. — Здесь каждое живое создание вынуждено искать для себя пищу либо

погибнуть. И, найдя эту пищу, оно видоизменяется под стать ей... Ни старшие и ни средние расы, ни устрашающие демоны, ни даже всеильные боги не могут выжить вдали от Единого Источника, — повторила она заученные наизусть слова. — В этой бесплодной пустыне способны существовать лишь люди». Неужели тебе неинтересно, почему?..

— «Не слыша мелодии Единого Источника, люди замкнулись в узких границах своего восприятия, — зло процитировал в ответ мужчина. — Они стали способны к изучению лишь материальной грани бытия. Не ведая истинной любви, они превознесли свой разум как наивысшую ценность! Не зная богов и других форм жизни, они возомнили себя венцом эволюции, а свои первичные потребности поставили во главу, — он понизил голос. — Гордыня, рожденная видовым и чувственным однообразием, поразила их души самой опасной болезнью из всех. И проклятие смерти пронеслось по планете, подобно буре».

— «Но среди бесплодных песков порой рождаются цветы дивной красоты — необычайные личности! — парировала Джива. — Чем ближе их сфера подходила к гибельному порогу, тем реже расцветали они, но тем ярче проявлялся их дар...»

— И какой тебе прок от их дара? — прорычал мужчина. — Ради чего ты готова покинуть свой дом, своих родных и прервать род хранителей, наш род?

При этих словах женщина резко обернулась, взглянув в лицо собеседника. Его глаза, как и ее, полыхали бледным зеленым огнем. Глаза — вот и все, что

осталось от прежнего облика. Звериная гримаса исказила его некогда красивые черты лица.

— Наш род, — повторила Джива. — Наш род уже прерван. Та душа, что дала мне жизнь и должна была стать моей дочерью, покинула нашу вселенную... Она и многие другие дети нашего мира пропали или ушли в поисках ответов. И я, — в ее негромком голосе сквозила холодная ярость, — не имея возможности продолжить наш род, продолжу их дело. Я использую силу их дара, найду оружие против Врага! — Повисла напряженная тишина. — Разговор окончен. Прощай... мой король Зарон.

Не дожидаясь ответа и более не обращая внимания на супруга, Джива вернулась к тексту, в «пустых словах» которого нашла единственную надежду.

Зарон исчез, не сказав ни слова. Его грозное волшебство вновь сотрясло и небеса, и твердь земную. На этот раз громыхнуло так близко, что стены библиотеки дрогнули. Если бы не древесные корни, густой сетью опутавшие замок снаружи, он мог бы, пожалуй, и вовсе рассыпаться.

От удара жалобно звякнули стрелки напольных часов. Их маятник закачался из стороны в сторону, будто желая ускорить и без того неотвратимый ход времени. Несколько свитков, подпрыгнув, упали со стола на пол. Джива нагнулась, чтобы поднять рукописи, попутно пробежав по ним глазами.

«Люди... Что же питает их дух и поддерживает силы? Что зажигает огонь в их сердцах и вдохновляет умы? Каково предназначение человека в великом

замысле Создателя? И могут ли ответы на эти вопросы помочь в борьбе с нашим общим Врагом?»

Бывшая хранительница отложила свитки, оставив в руках один. Его она утаила от Совета. Если бы ее братья и сестры узнали о судьбе, что постигла автора рукописей, они никогда бы не позволили ей уйти следом за ним.

«По той же причине, что боги и демоны не способны выжить в пустынных, лишенных силы вселенных, закрыты их двери и для нас, — было начертано на нем неровным торопливым почерком. — Лишь один из миров пустил нас внутрь. Почему именно он? Нам уже не узнать. Здесь нет неба... Здесь нет солнца...»

Джива поднесла бумагу к свече, а когда пламя охватило звенящие отчаянием строки, небрежно бросила догорать на каменные плиты пола.

Ее предшественники допустили ошибку, следуя прямым путем. Но была и иная дорога. Сокрытая даже от тех, чьим крыльям подвластны туманы междумирий. Она оказалась доступна любому созданию, которое способно мыслить. *И мечтать.*

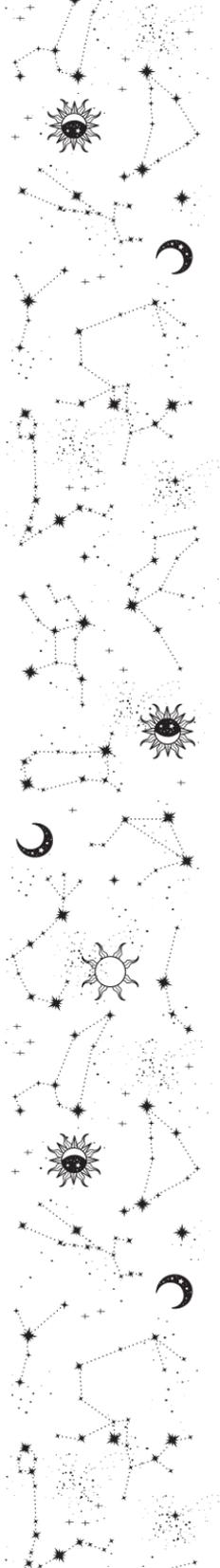
Королева Джива нашла этот путь. И первая ступившая на него помощница Белая уже ждала на другом конце. Теперь если они не сумеют использовать дар людей, то хотя бы помогут вернуться исследователям. Пусть для этого и придется пожертвовать собой.

1. ПОСЛЕДНИЙ ЕДИНОРОГ

Случается, что единороги меняют окрас с жемчужно-белого на пепельно-черный. Проявляется он как седина у людей: кто-то седеет постепенно, другой — внезапно и скоротечно.

Однако имеется в этом явлении один пренеприятный момент: черные единороги представляют собой смертельную угрозу. Держаться от этих зверей нужно как можно дальше всем без исключения, будь то невинная дева, рыцарь без страха и упрека или случайный путник.

Век единорогов так долог, что ходят легенды, будто сами собой они умереть не способны, но погибают от ужасающего страдания — такого сильного горя, в котором любое создание Единого не может поддерживать в себе силы жизни. Вместо животворящего света обреченный единорог начинает излучать силу смерти, заражая этой страшной хворью и все вокруг.

Если таковое явление происходит в плодородной долине, она мгновенно превращается в пустыню, озера — в болота, леса загнивают на корню, животные засыпают вечным сном.

Человек храбрый и благородный может противостоять проклятию черного единорога, но лишь непродолжительное время. И это время настоятельно рекомендуют использовать для того, чтобы покончить с мучениями несчастного зверя. Во-первых, из сострадания. Во-вторых, рог единорога чрезвычайно ценится магами, чародеями и колдунами.

Профессор Клифф'Арх,
«История редких животных»

«В оин в белом плаще устало упал на колени. Верный меч не подвел его в бою, и прочные латы защитили от рокового удара. Рыцарь без страха и упрека, к которому приблизился черный единорог, остался жив. Он был жив, а все вокруг — мертво.

Глядя на простирающиеся до горизонта опустелые земли, воин вспоминал свои родные края. Где-то там, в стране за горами и долами, уже набухали почки и просыпались ручьи, наполняя теплый ветер ароматом весны. Где-то там, но только не здесь — под серым небом проклятого королевства.

В сумраке туманов виднелись зачахшие деревья, что когда-то были густыми лесами. Остатки строений

на месте великих городов топорщились, словно гнилые зубы.

Рыцарь безвольно коснулся ладонью груди, где он носил защитный знак: монетку с круглым отверстием по центру. Амулет, подаренный его возлюбленной девой, помог в неравном бою. Герой одержал победу над обезумевшим зверем, что нес погибель всем и каждому.

А вместе с тем, как единорога покинула жизнь, исчезло и его проклятие смерти. И хотя на иссохших деревьях уже никогда не появится листва, отныне здесь поселится надежда. Всесильное время излечит эти земли. Но способно ли время излечить *душу*?

Рыцарь застыл на коленях, прижимая руку к груди и глядя на поверженного врага. Он смотрел, как мухи кружатся над мертвым единорогом, ползают по его поблекшей шерсти, забираются в ноздри и остекленевшие глаза.

Отныне мухи стали символом надежды. А последний единорог погиб».

Девочка лет тринадцати грустно вздохнула и поставила точку в своих записях. Ее взгляд упал на мертвую собаку, лежащую неподалеку в темном переулке. Морда животного была прикрыта тряпкой, живот впал, шерсть на хвосте стала тусклой. Пси́на была гораздо крупнее, чем те, которых выращивали в питомниках. Неужели это свободная дворняга? Настоящее чудо!

Бродячих собак, а также кошек, крыс, птиц и бездомных людей этот город не видел уже сотни лет.

И лишь от мух все никак не удавалось избавиться даже в самом сердце человеческой цивилизации. Насекомые кружились, жужжали и танцевали над трупом, как им только вздумается.

Задний двор интерната, куда девочка иногда сбегала, не отличался чистотой. Он был плотно окружен лесом из многоэтажных башен. Здания отражались в зеркальном куполе неба, что не знало ни дня, ни ночи, создавая мнимую бесконечность. Но, несмотря на гущу домов, город выглядел почти вымершим.

Лет сто назад, когда людей рождалось много, было решено, что массовое скопление горожан неблагоприятно влияет на их здоровье. Тогда ученые рассчитали необходимые размеры личного пространства, а инженеры создали конструкции невероятной высоты. Однако запланированного роста рождаемости не случилось, и вскоре верхние этажи башен опустели.

Сегодня на улице было тихо. Только искусственный ветерок шелестел пластиковыми обертками и бутылками, гоняя их по узким переулкам. Вскоре он сменил направление, и, уловив неприятный запах, идущий от падали, девочка поспешно встала. Спрятав в карманах свои драгоценные сокровища — блокнот и карандаш с радужным ластиком на конце, — она забралась обратно в окно интерната.

Если снаружи повсюду валялся мусор, то внутри здания царил чистота и пахло цветами. Зеркальные окна отражали ухоженные внутренние помещения, улыбчивые лица учителей, воспитанников и врачей.

Это был необычный интернат. Его воспитанники не только жили и учились здесь, но и проходили лечение.

Девочка незамеченной пробралась в подсобное помещение, в котором она устроила тайник. Уборщики запирали дверь на замок, но ключами заведовали не только они.

— Опаздываешь, — с укором произнес охранник, мужчина высокий и статный, словно рыцарь из сказки. — По расписанию у тебя занятие физкультурой.

— Спасибо, что прикрываешь, Дружовский, — поблагодарила девочка.

Она сняла с себя верхнюю одежду и, аккуратно сложив, спрятала ее в шкаф с противопожарным оборудованием.

— Друговский я, — поправил охранник.

— Это ты для остальных «другой», а для меня ты «друг», — важно заявила девочка.

Мужчина смущенно улыбнулся и попытался почесать затылок, но темные волосы были надежно схвачены гелем.

— Будь осторожнее, главная медсестра за тобой наблюдает, — предупредил он, а затем добавил уже тише: — Дженн... Не забудь, ты обещала мне... ну, роль в своей сказке, помнишь?

— Я уже написала, о мой герой без страха и упрёка, — весело сообщила ему девочка.

Она никогда не смеялась, а улыбалась крайне редко. Но, услышав имя «Дженн», так и засияла от радости. Об этом придуманном имени и ее сказке знал

только Друговский. Он был, пожалуй, единственным другом Василисы в целом мире.

В спортивном зале было малоллюдно: у большинства детей к занятиям имелись противопоказания по здоровью. Только два мальчика и сам учитель тихо общались, сидя на ковриках в дальнем конце помещения.

Несколько устаревших тренажеров и снарядов, гири и штанги стояли вдоль стен — каждый строго на своем месте. Девочка неторопливо размялась и взяла со стойки спортивную саблю. Заметив свою лучшую ученицу, пожилой инструктор оставил разговоры и пошел надевать защитный костюм.

Очень редко его воспитанники интересовались такими устаревшими дисциплинами, как фехтование, и успехи девочки не могли не радовать пожилого учителя. Этот вид спорта не зря остался среди допустимых дисциплин. Когда-то фехтование называли «быстрыми шахматами». Оно было полезно — как для развития силы и реакции тела, так и для мышления и логики.

Инструктор знал Василису уже несколько лет — с тех самых пор, когда ее поместили в клинику-интернат. Сейчас она была тихой, застенчивой, а порой и весьма милой, но в тот день рычала, кусалась и царапалась, словно бешеная. Подобных случаев в своей практике тренер никогда не встречал. Чаще всего дети испытывали сложности с обучением или в общении друг с другом.

Какие могут быть причины для болезней в идеально продуманном обществе? Повод для расстройства мог выдумать разве что несформированный мозг ребенка. Именно поэтому детям ни в коем случае нельзя было знать о том, каким был этот мир, когда деревья росли прямо из земли, а в озерах, морях и реках можно было купаться.

Любые носители информации о тех временах уничтожались. Где девочке удалось найти книги со сказками, неизвестно. Как пояснили ее родители, их-то она и начиталась.

В сказках помимо абсурдных сюжетов о любви и приключениях описывались также безопасное солнце, голубое небо и свежий ветер, которых уже давно не существовало. Ясно, почему психика ребенка дала сбой.

ДЖЕННА

2. ДАВНЫМ-ДАВНО

— **В**аська, спой нам! — кричали дети.
— Пой! Пой!

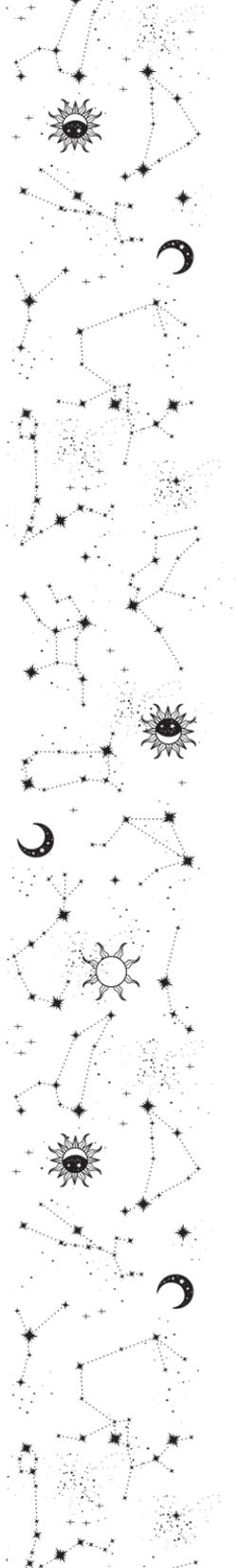
Аккуратно причесанные, одетые в чистые костюмчики, они толпились у помоек позади школы. Уборщики здесь появлялись строго по расписанию, и в распоряжении у детей было достаточно времени на то, что им запрещалось делать в учебном заведении. Они бегали, кричали и играли в свои особенные детские игры.

— Ты, эта... пятершница! — хохотали мальчишки.

Один из них, высокий, худой, с большим ртом и выпученными глазами, выйдя вперед, растормошил светлые волосы «пятершницы». Девочка отпрянула, в ее глазах блеснули слезы.

— Вот теперь ты похожа на одну из этих, — заявил мальчик, — из тех, что продают свои песни.

— И еще кое-что продают, — ехидно добавила какая-то старшеклассница.

— Но нам ты споешь бесплатно! — крикнул другой школьник.

— Пой! Пой! — подхватил детский хор.

— Отпустите меня, — взмолилась Василиса. — Пожалуйста, отпустите...

— Пой! Пой! — голосили дети, все плотнее обступая девочку.

— Пой, Васька! — кричал мальчик с большим ртом.

— Пой! — вопили дети.

— Пустите меня!

— Пой, Васька! Пой!

— Нет!

— Пой! Пой!

И девочка закричала. Она закрыла глаза, стиснула кулачки и завизжала так громко, что у нее самой заложило уши.

Толпа детей загоготала и рассыпалась. Довольные тем, что добились желаемого, они отправились по своим классам. А растрепанная и заплаканная Василиса до конца уроков отсиживалась в пыльном углу под лестницей. С последним звонком она самой первой выбегала из школы, но шла не домой, а в свое секретное убежище.

Родители девочки возвращались с работы поздно. Им незачем было следить за дочкой-отличницей. Никто не заставлял Василису делать уроки или общаться со сверстниками. И однажды, гуляя в одиночестве по одному из опустелых районов города, она нашла хранилище бумажных книг — самую настоящую библиотеку.

Старое здание пряталось за брошенной стройкой и было частично переделано под свалку для производственных отходов. Невзирая на опасности, любопытная Василиса сумела найти лазейку и пробралась в хранилище. Внутри целые этажи, коридоры и комнаты были усыпаны листами с текстами и картинками. Журналы, газеты, карты, измятые и порванные, таинственно шуршали под ногами ковром из пыли и клочков бумаги.

Кое-где в библиотеке сохранились деревянная мебель, покрытая морщинками растрескавшегося лака, и светильники с абажурами из разноцветных стеклышек. В одной из верхних комнат нашлись даже старинные напольные часы с циферблатом и маятником. После нескольких попыток Василисе удалось завести механизм, и ее тайное царство наполнилось волшебной музыкой.

Слушая тихое уверенное тиканье часов, девочка с упоением читала книги о ведьмах и рыцарях, о феях и крокодилах, о пиратах и даже о кенгуру. Но одной из ее любимых сказок стала история о принцессе и драконе.

Принцесса была так прекрасна, что не могла и шагу ступить без своей охраны. Она ни разу не выходила за пределы замка, поэтому ничего не знала, не умела, да к тому же была страшно капризной и вздорной. И все же, когда пришло время, очередь из женихов к ней выстроилась от соседнего королевства! Да только суженых принцесса так и не увидела, потому что в одно прекрасное утро ее похитил дракон...

Что произошло дальше — неизвестно: страниц в этой книге, как и во многих других, недоставало. Однако Василисе хватало и собственного ума, чтобы понять, как повезло принцессе сбежать из замка!

Сквозь мутный пластик окон она с грустью смотрела на пустые улицы и осиротевшие башни многоэтажных домов, оплетенные черными нитями проводов и похожие одна на другую. Девочка воображала, будто бы это башни замков, увитые зеленью, а по дорогам бродят диковинные существа, свободно гуляют кошки и собаки.

И глубоко в душе она мечтала однажды увидеть в настоящем синем небе настоящего живого дракона... Конечно же, Василиса не считала себя такой же красивой, как принцесса. Пусть дракон прилетит за кем-то другим, а она просто посмотрит на него!

Но потом девочка нашла другую сказку и поняла, что принцессы бывают разными. А некоторые из них даже могут стать самыми настоящими героями!

Книга стояла на нижней полке одного из завалившихся набок стеллажей и словно дожидалась своего часа. «Королева-воительница Дженна» — гласил заголовок над иллюстрацией.

По-видимому, на картинке была изображена главная героиня романа. Но все, что от нее осталось, — это женская фигура в вытертых доспехах на фоне поблекшего пейзажа. Верхняя часть обложки с именем автора, лицом королевы и воздетым к небу оружием была кем-то отгрызена. По крайней мере, так решила Василиса.

Не хватало в книге и доброй части последних страниц, однако так было даже лучше. Ну кому нужен конец истории, если она хороша?

Девочка много раз перечитывала приключения королевы-воительницы. Мир, окружавший героиню, был полон тайн и загадок. Василиса могла лишь примерно представить себе, что такое опушка леса, горы и доли, полнолуние и ночь, эльфы и сиды.

Девочка читала, и в ее воображении стройные фигуры в развевающихся белых одеждах кружились вокруг пылающих костров. Чарующие девы и юноши — вечно юные дети леса — пели о красоте своего мира. Этот мир с его чудесами, танцами и песнями защищала королева-воительница Дженна.

Читая про ее приключения, девочка, разумеется, представляла себя главной героиней. С тех пор она звала себя Дженной и никак иначе, словно была уверена, что неизвестный автор написал книгу именно о ней.

Под тиканье старинных часов маленькая «Дженна» изучала и другие книги. Ей попадались страницы из энциклопедий, в которых рассказывалось о грибах и ягодах, чем ель отличается от сосны, почему вода и небо были голубыми — и еще много-много всего интересного! В школе этого не проходили; там даже простые разговоры о старом мире были запрещены.

Ко всему прочему, в библиотеке девочка могла петь. Новые песни она не очень любила и чаще напевала старые, найденные в книгах. Мелодии к ним девочка сочиняла сама. И как она пела! Ни у кого

в ее классе не было такого прекрасного голоса. Уроки музыки в школе допускались в общеобразовательных целях, но усердствовать на них считалось неприличным.

Учителя часто говорили, что изобразительством, сочинительством, пением и танцами занимаются самые бесполезные члены общества — артисты, которые плохо решают уравнения и годятся только для того, чтобы развлекать людей. Некоторые школьники с удовольствием повторяли эти слова, издеваясь над маленькой Василисой...

Но слезы и обиды оставались в школе, а по вечерам девочка возвращалась домой настоящим героем, сильной и смелой королевой-воительницей. Проскользнув в свою комнату, Дженна принималась за создание собственных сказок. По ее замыслу, каждая новая история дополняла сборник рассказов из старинной библиотеки.

Но однажды родители обнаружили тайное увлечение дочери, и тогда случилась беда. Больше уже не было ни глупых одноклассников, ни любимых уроков пения, ни драгоценной свалки макулатуры. Все, что осталось девочке, — это слабость, уколы и капельницы, белые стены, люди в белых одеждах и сладкий цветочный запах ароматизаторов.

Когда Василиса наконец поднялась с кровати, ей сообщили, что родителей она больше не увидит, а ее домом стала клиника-интернат. С тех самых пор жизнь девочки переменилась, подчиненная общему ритму и строгим правилам.

Возможно, Василиса зачахла бы от тоски, если бы не уроки физкультуры. Имелась в интернате и своя библиотека — разумеется, с безопасной и одобренной литературой, — где можно было проводить свободное от учебы и обязанностей время. С головой уходя в чтение, девочка забывала обо всех печалях.

Но вот в один прекрасный день произошло настоящее чудо! Опустив руку в карман своего халата, Василиса обнаружила блокнот и карандаш с радужным ластиком на конце. В душе девочки вновь забрезжила надежда на лучшее. Она принялась писать свои истории воодушевленнее, чем когда бы то ни было.

И королева Дженна продолжила приключения.

3. ДОГОВОР

Э то был самый обыкновенный день. На обед подали белковое пюре, как было сказано в меню — со вкусом овощей и мяса, фруктовую воду и сладкую конфету. Дети сидели за длинными столами, вежливо разговаривая друг с другом. Как и во всем здании, здесь царил белизна. Только потолки в столовой были покрашены в голубой цвет, а спинки стульев — в оранжевый. Считалось, что это способствует улучшению аппетита.

У Дженны аппетит был отличный! Она спешила проглотить пюре и поскорее убраться из общественной столовой. Учителя и медсестры иногда подсаживались к ней, чтобы пообщаться, вызнать о ее самочувствии и настроении.

— Как твои дела, Василиса? — вдруг раздался над головой девочки женский голос.

Это была высокая худощавая женщина с гордой осанкой и тяжелым взглядом

главнокомандующего отделения медсестер. Та самая старшая медсестра, о которой девочку предупреждал Друговский, — поборница дисциплины и обладательница вызывающе алых волос, неизменно завязанных на затылке в объемный пучок.

— У меня все хорошо, — вежливо ответила Дженна, отводя взгляд.

Бледно-голубые глаза женщины вызывали у нее неприятные ассоциации с медицинским сканером.

— Слышала, ты много читаешь, — улыбнулась своими тонкими красными губами медсестра Белова. — Учебники по медицине — хороший выбор. Хочешь стать врачом?

— Хирургом, — со злости буркнула девочка первое, что пришло ей в голову.

— Вот как, — одобрительно кивнула женщина. — Чтобы помогать самым безнадежным больным?

— Мне интересно внутреннее строение человека. — Дженна заставила себя улыбнуться.

Медсестра присела на стул, внимательно наблюдая, как девочка доедает десерт и неловко вытирает сладкие пальцы о салфетку.

— Сегодня у тебя короткий учебный день, — внезапно сменила тему Белова. — Хочу предложить тебе прогуляться, — она понизила голос, — наверх.

Дженна онемела от страха. Подниматься на верхние этажи строго запрещалось! Среди детей ходили страшилки, будто бы там *ликвидируют* «неизлечимых»: как их тела, так и личности стирают из памяти даже близких и знакомых людей. Преждевременная

смерть одного индивидуума не должна пугать или расстраивать остальных. Как именно это происходило, никто не знал. А поскольку пациент исчезал из памяти, все это были только слухи.

— Если ты закончила обедать, идем, — не терпящим возражений голосом сказала медсестра Белова. — Время не ждет...

Девочка и женщина молча встали из-за стола и направились к выходу. Они долго шли по лестницам, поднимаясь все выше. Проходили вдоль длинных серых коридоров, единственным украшением которых были закрытые двери с одной стороны и большие окна — с другой. На средних этажах, где жили воспитатели, учителя и врачи, пластик окон был прозрачным, так что можно было увидеть город. Башни небоскребов отражались от куполообразного неба. Улицы делили землю бороздами линий и углов.

Дженна глубоко вздохнула, стараясь успокоиться. Самые верхние этажи, куда вела ее старшая медсестра, были заброшены; если ей и предстоит быть ликвидированной, она еще сможет сбежать. Однако, когда они оказались на очередной лестнице, медсестра взяла девочку за руку.

— Нам еще выше? Зачем? — испугалась та, не в силах бороться с тонкими пальцами женщины, которая влекла ее за собой.

— Терпение, — коротко ответила Белова.

Она отперла дверь, ведущую на запретную территорию, и протолкнула Дженну вперед себя.

— Но сюда нельзя! — крикнула девочка. — Вы не имеете права! С детьми так нельзя!

— Не надрывай горло, дурочка, побереги свое тело, — скривила губы Белова.

— Вы думаете, что никто не будет меня искать? — настаивала Дженна. — Думаете, у меня нет друзей? Вы ошибаетесь! У меня есть друг...

В ответ медсестра лишь беззвучно рассмеялась.

Они прошли по коридору и, войдя в одну из пустых комнат, остановились. Цепкие пальцы медсестры разжались, выпуская девочку на свободу. Дженна рванулась обратно к выходу, но Белова преградила ей путь и, мягко развернув, оттолкнула назад.

— Ты так много читаешь — и все равно слишком глупа, — раздраженно бросила старшая медсестра. — Но на глупости и сказки больше нет времени! Тебе необходимо кое-что узнать о реальности, увидеть истинную картину мира...

Девочка замерла, прислонясь спиной к стене и судорожно размышляя над словами Беловой. Тем временем женщина извлекла из своей сумочки блокнот и карандаш с радужным ластиком. Глаза Дженны расширились.

— Ну? — проговорила медсестра, вопросительно изогнув бровь. — Что скажешь на это? Откуда они у тебя, как думаешь?

Девочка не проронила ни звука, шумно вбирая носом пыльный воздух.

— Правильно, — кивнула женщина. — Как я уже и говорила: ты слишком глупа.

— Я нашла их в... — Дженна сжала кулаки и загнулась.

Ее губы и подбородок предательски задрожали, слезы покатались из глаз.

— И? — поторопила медсестра.

— Это вы подложили их? — наконец смогла выговорить девочка.

— Слава богам, ты не безнадежна, — одобрительно кивнула Белова. — Да, я подарила тебе блокнот и карандаш, — сказала она, сделав шаг навстречу. — Я позволила тебе играть с саблей и даже безнаказанно убегать из интерната на прогулки, — говорила она, медленно приближаясь. — Это я позволила тебе беспрепятственно наслаждаться своим даром сочинительства! — Она самодовольно усмехнулась. — Но у всего есть цена. И теперь я задам тебе один очень важный вопрос. Он удивит тебя, моя дорогая, моя милая Дженна...

У девочки перехватило дыхание. Откуда Беловой было известно ее сокровенное имя?! Книга о королеве так и осталась стоять в библиотеке, а сама Василиса никогда не писала это имя в сказках, пряча главную героиню за другими прозвищами. И это имя знал лишь Друговский — ее единственный друг... Ах, но друг ли?

Дженна в отчаянии рванулась к двери, но женщина поймала ее и грубо швырнула обратно. Девочка упала, неловко подвернув ногу, вскрикнула и теперь уже расплакалась навзрыд.

— Да ты крикса¹ неразумная! — в сердцах воскликнула медсестра.

Незнакомое выражение прозвучало так странно и смешно, что Дженна вмиг позабыла свое горе. Откуда Белова вообще взяла это слово? И до того... Она упомянула богов? Неужели она тоже читала запрещенные книги?

— Кто такая крикса? — переспросила девочка, шмыгая носом и удивленно хлопая мокрыми ресницами.

Женщина вздохнула:

— Успокойся, и, может статься, у тебя еще будет возможность узнать ответ...

— Так вы не убьете меня? — удивилась Дженна.

Белова отвернулась от нее. Она вздохнула, а затем рассмеялась и снова посмотрела на свою несообразительную пациентку.

— Ты готова умереть? И только-то?

— Я готова к смерти, но не к ликвидации! — гордо произнесла Дженна давно заученную установку.

— А если я предложу тебе побег? — неожиданно спросила Белова.

Девочка затихла. Побег, теперь такой реальный, почему-то оказался не менее устрашающим, чем смерть.

— Я не верю вам, уважаемая Белова, — все, что смогла пролепетать девочка.

---

¹ Крикса — мифическое ночное создание, заставляющее детей плакать.

— И не поверишь! — рассмеялась медсестра. — Не поверишь, даже согласившись и оказавшись на свободе, ибо все это несколько выше твоего ограниченного человеческого понимания.

— Хорошо, — кивнула Дженна. — Допустим, вы не медсестра. Может быть, вы и не Белова?

Женщина перестала улыбаться. Взглянув в глаза девочке, она подняла руку и одним быстрым движением извлекла из своей прически изящную шпильку. Волосы алыми волнами рассыпались по груди и плечам медсестры. Они были такими длинными, что доставали до самых бедер. Даже у артисток не было таких красивых, блестящих и ярких волос!

— Вы ведьма, что ли? — несмело произнесла девочка, холодея от собственной догадки. Неужели такое можно было сказать вслух?

— Да, — внезапно ответила Белова. — И нет. — Она опустила на колени рядом с девочкой, не жалея своего стерильно-белого платья. — Все же я медсестра. Чародейка и медсестра.

Дженна не сумела сдержать смеха.

— Твое сознание не в силах увидеть истинную природу вещей, — спокойно продолжила ведьма. — Я и Белова, и нет. Ведьма, как ты изволила выразиться, и медсестра. Мы... перемешаны.

— Это еще как? — испуганно спросила Дженна, прекратив смеяться. — Перемешаны?

— Так же, как и ты, крошка моя, — улыбнулась ведьма-медсестра. — Ты, — она ткнула тонким пальцем ей в грудь, — уже перемешиваешься с Дженной.

— Не понимаю...

— Ты живешь двойной жизнью, — объяснила Белова. — В других сферах подобных тебе людей немало. Они путешествуют в своем воображении, пишут книги, стихи, песни, картины... Однако ваш мир не поощряет подобных затей. В нем нет места тем, кто желает создавать свои маленькие миры и играть другие роли. В нем нет на это силы. Ваш мир — как дряхлый старик, которому невмочь подняться с кресла.

— Что такое сфера? — переспросила Дженна, потрянув головой. — Есть другие миры? Наш мир — это, что ли, не *ваш* мир?

— И да, и нет, — таинственно улыбнулась красноволосая. — Сфера — это планета, и часть планеты... Сферы есть у людей и животных.

— Я запуталась, — буркнула девочка. — Вы медсестра и ведьма, допустим. Ну а я? Чем мне грозит это ваше «перемешивание»?

— Смертью, — усмехнулась Белова. — Ты, моя голубка, не выживешь вне стен интерната. И не потому, что тебя ликвидируют, о нет. Ты сама себя ликвидируешь. И притом уже очень скоро. То, что ты ощущаешь сейчас, — вся эта злоба, обида, одиночество и тоска, — многократно усилится. Твоя тонкая сфера, твоя *душа* не выдержит этой боли...

Дженна не спешила с ответом. Честно говоря, подобные мысли приходили ей в голову. Но она выбивала их звоном сабли, чтением книг. А лучше всего ей помогало писательство.

— Так вот, — продолжила ведьма. — Я предлагаю тебе просто уйти.

— Уйти? Но как же это? И куда? — опешила девочка.

— Поменяться местами. — Медсестра пристально взглянула на нее.

— Не понимаю. — Дженна тряхнула головой, сбрасывая наваждение.

— Представь, если бы ты могла поменяться местами, скажем, с некой королевой...

Девочка вспомнила свою королеву-воительницу, но все же недоверчиво фыркнула.

— Ты готова поверить в то, что я ведьма, но не в то, что когда-то я поменялась местами с девочкой Беловой? — с усмешкой уточнила женщина.

— Я не верю! — воскликнула Дженна. — Простите меня, но я все-таки не верю, что вы ведьма. Вы же не наколдуете и простого заклинания, даже самого малюсенького колдовства! Так и чем же вы докажете свои слова?

Девочка снова вернулась к реальности. И в этой реальности ее секретное имя было известно врагу. А значит, ее предал единственный друг!

— Я ничем не буду доказывать свои слова, — ответила женщина. — Тем не менее я задам тебе тот самый вопрос, ради которого мы проделали наше неприятное путешествие. Скоро ты станешь девушкой, твое тело уже меняется. Время не ждет. Я обязана задать вопрос. Очень важный вопрос.

Девочка затаила дыхание, не зная, плакать ей, смеяться, а может, полезть в драку или снова попытаться убежать? Но вместо этого она прошептала:

— Я слушаю вас...

— Ответь же, урожденная Василиса Герман, — начала ведьма, — ты, которая, вопреки имени, данному родителями, называешь себя Дженной, — ее голос становился все громче, — готова ли ты отбросить эту слабую оболочку и обрести иное тело — тело, наполненное силой?

Девочка вздрогнула. Ах, если бы все это было правдой!

— Ты, — продолжила ведьма, — готова раз и навсегда покинуть этот мир, чтобы познать бесконечное множество других миров? Ты, — громогласно вопрошала ведьма, — готова оставить своих родителей, свой город, своих знакомых — и, быть может, обрести семью, дом, друзей?..

— Да как же так? — шептала девочка, смахивая слезы со щек. — Это невозможно... Неправда все, неправда...

— Только одно твое слово, — закончила женщина.

Ее бледно-голубые глаза и звенящий голос проникали в самые тайные закоулки души.

На мгновение Дженна увидела глаза не медсестры, а той, что когда-то заняла ее место. Эти глаза светились ярче самых мощных ламп, а распущенные волосы развевались в порывах волшебного ветра слов-

но алые крылья! Это была уже не медсестра, не женщина, да и не человек вообще.

И девочка поверила. Поверила, потому что не поверить было невозможно. Невозможно было даже подумать иначе, задуматься на миг: как, зачем и кто? Ее словно окутало нечто, парализующее волю.

— Да, — не слыша себя, ответила девочка. — Да... Я согласна... Согласна!

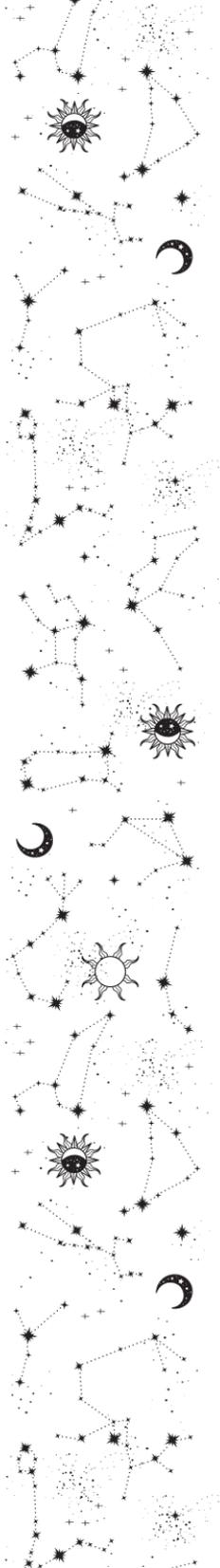

4. ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОРОЛЕВА

Дженна не помнила, как она вновь оказалась на жилых этажах ин-терната. Сияние, привидевшееся ей, бесследно рассеялось. Мир снова стал ясным и четким, а прическа медсестры — аккуратной и строгой.

Что произошло там, наверху? Почему из глаз Беловой лился свет? Откуда в помещении взялся ветер? Ерунда какая-то, не могло этого быть. «Ведьма» и сама сказала, что в «их — не их» мире нет силы даже для простых заклинаний. А еще она заявила, будто это Дженна чего-то там не знает о реальности — не видит истинной картины мира. Ну уж нет! Все ясно: ее просто отравили за обедом, токсин начал действовать не сразу и быстро отпустил.

Подойдя к охранникам, медсестра что-то им сказала, и те проводили Дженну в ее комнату.

— В столовую не ходи, ужин тебе принесут, — предупредил один из них, прежде чем уйти.

Девочка дрожала от возбуждения. Конечно же, они все заинтересованы в ее переходе в другой мир! Вся клиника... да нет, весь город, вся планета только и ждут этого часа. Вместе с ужином медики наверняка принесут в палату старинные свечи, зеркала... Что там еще требуется для ритуала?

Ах, как же она наивна! Как быстро она согласилась с «ведьмой» — созналась в своей глупости и бесполезности! И теперь на ужин она получит укольчик смерти. Не будет никакого перехода, смешивания или еще чего-нибудь в этом роде.

Дженна выждала некоторое время, затем подошла к двери и проверила замок. Закрыто — разумеется! И с чего бы им ее запирасть, раз она уже на все согласилась?

Девочка забралась на кушетку и задумалась.

Этой истории был уже не один год. Возможно, такие, как Белова, наблюдали за ней и до клиники. За ней или же за библиотекой. Может быть, они и сохранили то место от уничтожения? Или это была ловушка для особенных детей?

Подошло время ужина. Дженне принесли жидкий зеленый суп и белую воду с приторным запахом цветов. Хотя есть хотелось нестерпимо, девочка аккуратно вылила ужин под матрас. Спать она легла пораньше, не снимая одежды. Так и пролежала, закутавшись с головой в одеяло, без движения, настороженно прислушиваясь.

А затем дверь тихо открылась. Одним глазом девочка «спала», а другим подсматривала. В проеме в тусклом свете коридора возникла высокая плечистая фигура.

Мужчина приблизился. Это был Друговский! Неужели благородный рыцарь пришел спасти ее? Или?..

Он потерял Дженну за плечо. Девочка обмякла, сделав вид, будто крепко спит. Тогда мужчина достал из кармана шприц.

И тут вся картина сложилась воедино, Дженна все поняла! А поняв, ощутила в себе невероятную силу и злость. Такой злости она не чувствовала уже несколько лет — с тех самых пор, когда родители отняли у нее сказки...

Больше она этого не допустит! Она не отдаст жизнь в руки взрослых, отупевших от своих бесконечных медикаментов и порошков со вкусами правильной еды, хорошей работы и допустимых ценностей! Мусор! Никчемный биологический материал, лишенный естественных желаний, — это они! Но не Дженна. Дженна хочет жить, она сильная, умная и быстрая.

Девочка распахнула одеяло, швырнув его в лицо охраннику, спрыгнула на пол и вылетела в коридор. Друговский не крикнул, не вызвал подмогу, не попытался как-то вразумить ее словами. Он молча бросился в погоню.

Они бежали по тускло освещенным коридорам. Приближалась полночь, и пациенты давно разошлись по палатам. Друговский не отличался проворностью, однако расстояние между ним и девочкой сокраща-

лось. Глухой стук его ботинок становился все отчетливей.

Дженна выбирала маршрут, где наверняка не было дежурных, быстро преодолевая поворот за поворотом. За несколько лет она выучила каждый закоулок здания. Она знала, куда надо бежать.

Спортивный зал был открыт. Дженна ворвалась в помещение. Охранник догнал ее уже через мгновение.

— Зачем тебе это, Друговский? — крикнула девочка, пятясь назад.

— Таков порядок, — коротко ответил мужчина.

— Ты предал меня! — выдохнула Дженна.

Друговский пожал плечами. Он не был силен по части устаревших выражений. Охранник хлопнул по кнопке на стене, и в спортивном зале, щелкая, стали зажигаться лампы.

— Только один укол, — произнес мужчина. — Это не больно. Так будет лучше.

В его голубых глазах не отражалось ни страха, ни сожаления, словно убивать детей было для него привычным занятием.

— О нет, не об этом мы договаривались с Беловой! — Дженна стиснула зубы.

В ее груди клокотал гнев, а весь страх будто бы испарился. Она злилась на Друговского, на Белову, на весь мир, но больше всего — на саму себя. Глупая, какая же она глупая! И почему она позволила рыцарю убить черного единорога? Черный единорог должен был выжить, а рыцарь — умереть!

Мужчина подбежал к ней, но Дженна отпрыгнула назад. Не медля ни секунды, она развернулась и выхватила со стойки оружия спортивную саблю. Отточенным движением девочка сделала глубокий выпад и, полоснув охранника клинком, быстро отскочила назад.

Друговский охнул, закрыв лицо руками. Но уже через мгновение снова бросился вперед. Дженна зарычала и принялась рубить саблей с такой силой, как будто перед ней был уже не человек, а манекен.

Мужчина мычал от боли. Из его рассеченных рук текла кровь. Однако он продолжал наступать, а Дженна — убегала и нападала. Снова и снова. Словно заведенная, она прыгала вперед и назад, размахивая саблей.

При соприкосновении с врагом тупое лезвие гнулось и пружинило. И девочка с ужасающей отчетливостью поняла, что серьезных ран ее легкое оружие нанести не способно. Нужно было придумать что-то еще!

После очередной атаки мужчина замешкался, позволив пациентке разорвать дистанцию между ними. Воспользовавшись лишними секундами, девочка отбежала в противоположный угол зала — туда, где застыли старые громоздкие тренажеры. Она размахнулась и изо всех сил ударила клинком по металлической стойке. Звон раздался такой, что уши заложило. Где-то вдалеке обиженно звякнул об пол отломанный кусок лезвия.

И в этот момент Друговский настиг Дженну. Он собирался сбить с ног непослушного ребенка, пова-

лить ее на пол и оглушить. Но девочка, казалось, сама ожидала его. В последний момент она обернулась, и мужчина заметил улыбку на ее губах.

Не успев остановиться, охранник навалился на Дженну всей своей массой и внезапно ощутил внутри себя неестественный холод и что-то горячее, растекающееся по животу. Его руки опустились, колени ослабли, а из груди вырвался сдавленный хрип.

Удивленными глазами Друговский уставился на блекнувший образ пациентки. Маленькая девочка держала в руке острый обломок спортивной сабли, который еще секунду назад был вонзен в его тело по самую рукоять.

С холодной яростью Дженна наблюдала, как ее друг — ее *бывший* друг — на подкосившихся ногах осел на пол, как на его чистой белой форме растет и ширится темно-красная клякса.

— Рыцарь убит, — торжественно произнесла Дженна. — Черный единорог будет жить!

Мужчина рухнул к ее ногам. Он больше не двигался и не дышал. Из-под воротника рубашки выпал медальон на цепочке — монетка с круглым отверстием по центру...

В тот же миг в глазах девочки торжество сменилось безразличием. Затем на лице появилось недоумение, словно бы она была уже другим человеком. Мельком взглянув на обломок сабли в своей окровавленной руке, она рассеянно выронила оружие. Будто оно, как и рука, не принадлежало ей, было чужим.

Раздался шум распахнувшихся дверей. Девочка обернулась.

— Дженна? — строго спросила старшая медсестра, приближаясь. — Вот-вот полночь! Что здесь... — Увиденная картина заставила ее запнуться. — Что ты...

— Дженна? — повторила девочка. — Кто такая Дженна? Мне казалось, меня зовут Джива...

— ...Слава Единому! — ахнула Белова, упав на колени и низко склонив голову. — Да здравствует Ваше Величество Джива!

— Дженна — та самая твоя пациентка? — с интересом оглядела себя девочка.

— Урожденная Василиса, — кивнула Белова.

— «Василиса» — «царица» или «королева», — прищурился глаз, усмехнулась девочка. — Пожалуй, это имя мне подходит... Ну, здравствуй, Белая.

— Моя королева, — снова поклонилась медсестра. — Пациентка была так глупа, что я уже потеряла надежду. Однако у вас получилось... Но... — Ее взгляд указал на поверженного «рыцаря». — Что произошло? Он помешал вашему появлению?

— Похоже, он собирался помешать ее уходу, — покачала головой девочка. — Представь себе, *это* сделала... как она там называет себя — Дженна? Погляди, наш Враг нашел вас, — холодно пояснила она, указав на амулет на груди мертвеца. — Твоя невнимательность едва не стоила нам всего эксперимента!

Та, кого она назвала Белой, виновато кивнула:

— Прошу прощения, Ваше Величество.

— Василиса, — строго поправила девочка.

✦ — Я и подумать не могла, что Враг сумеет пробраться в этот мир... — пролепетала медсестра. — Но как ему удалось?

— Они шли той же дорогой, что и мы, — *изнутри*, — ответила девочка. — По-видимому, у этого юноши тоже были мечты, которые можно забрать...

— Однако плакса Дженна все же неплохо подготовилась. — Белая присела рядом с телом и, с усилием перевернув его на спину, осмотрела рану. — Распорота брюшная аорта... Не зря она читала учебники по анатомии.

— Оставь свои измышления на потом, вот-вот полночь, — напомнила Джива-Василиса повелительным тоном взрослой женщины. — Довольно разговоров. Пока еще не оборвалась связующая нить между этим телом и душой Дженны, отведи меня... *к ним!*

— Следуйте за мной, Ваше... Василиса, — поклонилась Белова.

Минуя жилые и учебные этажи, они поднялись в отделение клиники и вошли в одну из палат интенсивной терапии. Здесь было темно и тихо: ни дежурных, ни медсестер. Пациенты не нуждались в уходе. Они спали. Спали необычным сном уже долгие и долгие годы.

Проследовав вдоль ширм, девочка и медсестра остановились у трех постелей в самом конце палаты. Лежащие на них женщины выглядели старыми, однако их волосы сохранили удивительно яркие цвета:

искристо-белый, как снег; рыжий, точно огонь; и черный, словно ночь.

Василиса приблизилась к черноволосой.

— Я слышу твое новое имя... Май, — прошептала она, с материнской нежностью прикоснувшись к морщинистой руке. — Вот и я, моя милая. Я проделала долгий путь, чтобы освободить всех вас от оков этой сферы...

— Но хватит ли на это сил *человечьей* душе, что рождена в умирающем мире? — тихо вставила Белова.

— Да, в этой сфере осталось мало жизненной силы, — проговорила Василиса, не оборачиваясь. — Но тем удивительнее *сила мечты*... Я верю, Дженна отыщет верный путь. А дочери последуют за ней и за отголоском моей магии.

Ее голос был сух, но щеки покраснелись, а в глазах блеснули слезы.

— Ох уж эта крикса Дженна, она плачет при любом удобном случае, — заметила Белова. — Даже вы, моя королева, поддались ее настроениям.

— Мне еще нужно привыкнуть к этому телу...

— ...Привыкнет ли она к вашему?

— Это не важно, — резко ответила Василиса. — Дженна будет той, кем себя считает.

— А как же *Враг*? — напомнила медсестра.

— Враг — необходимое условие для развития героя.

— Вы обменялись с ней не только телами, но и сферами магии. Великая жертва. Вы возложили такие надежды на простого человека...

Гневный взгляд девочки пресек Белову на полуслове. Не проронив более ни звука, медсестра положила на столик три шприца. Наполненные смертельным препаратом, они перешли в руки Василисы.

Помощница поспешно вышла в коридор. Через несколько мгновений Василиса присоединилась к ней.

— Все кончено? — взволнованно спросила Белова.

— Все только начинается, — прошептала Василиса.

5. ПУТЬ

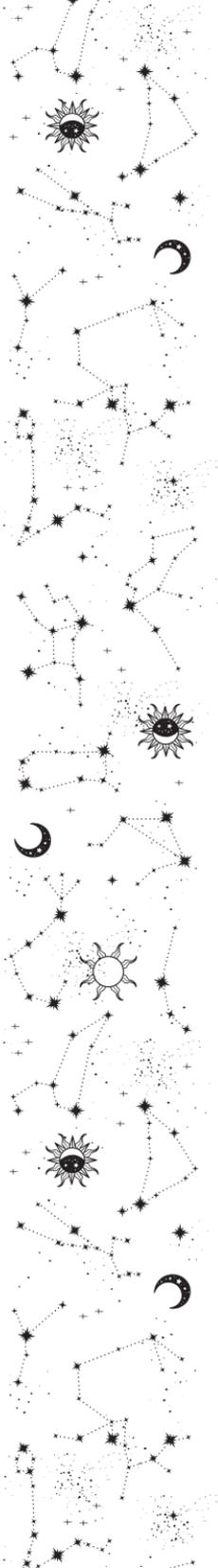
Сначала был холод — сухой мороз и тьма. Затем внутри зародился жар.

Крохотный огонек разрастался, ширился и раскрывался, подобно дивному цветку. Он пульсировал, заполняя собой все пространство от края и до края.

Расцветая, он прорывал пределы самого себя, сказочным венцом сиял над ликом бесконечности. И каждый из его лепестков стал вселенной, а каждая искра его пламени — миром.

Свет миров манил. Он был неопишущей музыкой, прекрасной и чудовищной одновременно. Незнакомые слова, цвета, звуки, неясные образы кружились в голове. Само сознание вращалось по оси и уносило в пеструю бесконечность.

Слов и картин было так много, что глаза растворились в них. В оглушительной мелодии потонул слух. Тело стало светом, хладом и пламенем одновременно. Оно стало цветком и рассыпалось на лепестки.

Но затем свет отступил, померк. И возникла отрезвляющая тяжесть.

Сквозь болезненный сон она вспомнила, что необходимо бежать. Ей угрожает опасность, ее преследуют! Она вспомнила себя и в следующий миг забыла о дивном цветке, зато вновь ощутила свое тело.

Желание движения переродилось в силу. Мышцы напряжились. Она подскочила на ноги и сорвалась с места.

Бежать! Не важно, куда, от кого, главное — бежать! Сквозь ночь, сквозь прошлое и боль, сквозь страх и всполохи радости. Бежать сквозь призрачные лица, голоса, дома, улицы. Сквозь целый мир — серый, потерянный, умирающий, — не ее мир. Пусть все бывшее остается в прошлом, а ее ждет будущее!

Тяжесть отпустила, грудь наполнилась легкостью. Она больше не бежала — парила! Все выше и выше! Она летела сквозь мрак — сильная и свободная...

Она проснулась под странные звуки, каких никогда не слышала раньше. Открыв глаза, девочка обнаружила вокруг себя зеленый туман. Но теплый свет, льющийся сквозь него, становился ярче. И вот уже дымка рассеялась, словно сон, а за ней открылась картина, при виде которой замерло сердце.

Девочка ахнула и, глубоко вздохнув, обнаружила, что воздух обрел запах. Он был таким сладким, что у маленькой странницы закружилась голова. В носу и в глазах у нее зашипало, а по щекам потекли горячие слезы. Девочка поднялась на ноги: поначалу неловко и боязливо. И уже через миг она прыгала, хохотала и визжала во весь голос!

Вместо тесного нагромождения домов перед глазами девочки застыла безбрежная синяя гладь. Над водой носились, перекрикивая друг друга, белые птицы. Волны, накатывая на мягкий золотистый песок, лизали ее босые ступни. А над головой вместо серого купола простиралось настоящее небо — огромное, яркое, озаренное ослепительным солнечным диском!

Странница осторожно ощупала свое лицо. Она не могла его увидеть, но пришла к выводу, что это обыкновенное человеческое лицо. Девочка была одета в простое платье, перехваченное на поясе веревкой.

Подняв подол, она осмотрела ноги. Это были ее собственные ноги. Впрочем, как и живот, и руки...

Все осталось таким, каким она и запомнила. Но ведь ей обещали обмен? Так где же новое тело? Нет, девочка не стала королевой-воительницей! Однако мир вокруг нее уже не был прежним.

Странница вспомнила свой странный сон: бег, а потом ощущение полета и... От напряжения у нее зашумело в ушах. Девочка опустилась на колени и провела рукой по воде, прислушиваясь к новым ощущениям. Море, солнце, запахи и цвета — все было та-

кое незнакомое, невероятное, как во сне, только в тысячу раз более яркое и громкое!

Волны набегали и ускользали. Белая пена щекотала ступни. Девочке хотелось пить, но из книг она знала, что соленая вода не годилась для утоления жажды. Зато ее можно было потрогать, зачерпнуть в ладошки и плеснуть на лицо. Облизнув с губ горькие капли, недолго думая, девочка бросилась в море.

Столько воды, в которой можно купаться, — да что могло быть удивительнее этого?!

Девочка покачивалась на волнах, погружаясь в них на выдохе и снова поднимаясь на поверхность при вдохе. Щуря глаза от солнца, она рассматривала безупречно чистое небо и воображала, как впервые увидит ночь, звезды и луну, грозовые облака, закат и рассвет — все то, что в ее родном мире давно исчезло.

Вдоволь насладившись морем, девочка оставила побережье и направилась к лесу, зеленеющему с противоположной стороны. Солнце начинало припекать, нужно было найти тень и источник пресной воды. Но сильнее жажды девочку волновали вопросы: где она? надолго ли здесь? что ей делать? и, в конце концов, *кто* она теперь такая?

Оказавшись на опушке, странница замерла. Новые запахи и звуки захлестнули ее дурманящей волной. Лес пел, стрекотал, щелкал и скрипел. Девочка видела картинки в книгах, но даже не представляла себе, насколько величественными могут быть деревья. Высокие колонны были одеты в янтарную кору

и шапки изумрудных игл, а землю под ними, словно шкура огромного зверя, устилал ковер пожелтевшей хвои.

По мере того как девочка забиралась все дальше в лес, радость от новых ощущений заглушили жажда и ноющая пустота в животе. На ее пути встречались низкие кустики с разноцветными ягодами. Красные оказались горькими. Синие ягоды были сладкими, но от них так громко забурчал живот, что девочка испугалась.

Ближе к полудню маленькая странница окончательно уверилась в том, что происходящее — не видение или, по крайней мере, не такой уж и волшебный сон. Ноги щипало от царапин и морской соли, все тело чесалось от укусов насекомых, а жажда мучила просто нестерпимо. Выбившись из сил, девочка присела отдохнуть на зеленую кочку и, не придумав ничего лучше, начала напевать одну из своих песенок.

Она пела, и — о чудо! — постепенно в голове начали всплывать новые названия! Травы и деревья, птицы и звери обретали имена. А вскоре стали появляться и вовсе странные существа... Вроде бы не животные, но и не растения, они походили на ожившие кочки мха или пеньки с руками-сучьями.

Тонкотелые создания, покрытые древесной корой и клочками травы, открывали глаза-бусинки и покачивали ветвями. Они внимательно прислушивались к детскому голоску. А девочка все пела для них: моховиков и пущевиков, леших, водяных и кикимор —

не виденных ею до этого дня, странных, пугающих, удивительных.

Мелодия менялась, новые слова сами собой возникали в ее голове. Внезапно девочка услышала, как будто кто-то подпевает ей! Красивый высокий голос становился громче, и вот уже стало возможным различить отдельные слова. Слова неизвестного языка складывались в предложения; девочка тихонько повторяла незнакомые речи, словно пробуя их на вкус.

Вдруг, как по волшебству, она начала понимать их смысл. Голос словно сделался знакомым! Улеглись все волнения, и родилось доверие. Будто дикий лес с его обитателями, каждое живое существо, весь мир стали друзьями маленькой страннице.

Через некоторое время песня стихла, и из-за деревьев вышел стройный мужчина. На вид ему можно было дать как двадцать, так и сорок лет. Он был одет в зеленое, под цвет леса, в тон травянистых глаз; на плечах лежал неприметный серый плащ. Его светлые волосы были убраны в длинную косу. Девочка на всякий случай провела рукой по своим ушам: нет, у нее были округлые уши, в отличие от незнакомца.

Эльф глядел пристально, словно рассматривал что-то внутри ее. Затем он спросил:

— Как ты здесь оказалась и где твои родители?

Не зная, что ответить, девочка поднялась с кочки и, смущенно отряхнув подол платья, пожалала плечами.

— Ты сиротка? Заблудилась, что ли? — Голос мужчины был приятным, но слово прозвучало резко.

Девочка молча кивнула.

«Сиротка». Да, она сирота, ведь родители от нее отказались. Нет, это она отказалась от целого мира! Не было у нее теперь ни родителей, ни дома.

— Пить хочешь? — спросил эльф.

Она снова кивнула.

— А о чем была твоя песня? — не поднимая глаз, робко поинтересовалась девочка.

С наступлением темноты они разбили лагерь под сенью деревьев. Протяжно кричала ночная птица. По сухим поленьям плясало живое пламя. Эльф на низал на прутик мясистые куски грибов и протянул девочке.

— Ни о чем, просто песня и все, — безразлично хмыкнул он и кивнул на грибы. — Чего медлишь? Поддержи над огнем. Обжаренные они куда вкуснее.

Девочка с интересом повела носом над грибами и неловко повторила его движение. Эльф заметил, что она ко всему принюхивается: к грибам, к деревьям, даже к нему. Она вела себя будто зверек, впервые попавший в лес, — опьяневший от свободы, раздираемый любопытством, но в то же время оторопевший, напуганный новыми чувствами и ощущениями.

Девочка не смела лишний раз взглянуть в лицо эльфу. Он же с удовольствием рассматривал маленькую незнакомку. Ее спутанные волосы отливали золотом, словно спелая пшеница в знойный полдень. А глаза, большие и бледно-зеленые, напоминали морскую гладь в пасмурную погоду.

— Я не люблю обманывать, — строго пояснила девочка. — О себе я рассказала все, что могла...

«Я сбежала от плохих людей», — вот что она поведала эльфу. Даже имени своего не назвала. И он не настаивал. Человеческие дети частенько убегают от родителей. История эта не стоит того, чтобы тратить на нее свое внимание. Он проводит малышку до ближайшего поселения и оставит там.

— Ты и не сможешь обмануть меня, — ухмыльнулся эльф. — Слова нужны людям, я же *чую*.

Девочка вскинула голову и посмотрела на него — прямо, не таясь. На миг в глубине ее глаз мужчина увидел холодный отблеск смерти. Это заинтересовало его.

— Ты ценишь правдивость? — переспросил эльф. — Тогда ответь-ка мне честно на один вопрос...

Девочка насторожилась, но согласно кивнула.

— ...Скажи, быстро ли умер твой враг?

Повисла тишина. Человеческий ребенок и впрямь не умел лукавить. Глаза девочки округлились от удивления и ужаса. На мгновение она затаила дыхание, а затем буркнула:

— Быстро. Я попала в живот, прямо в большую артерию.

Теперь настало время удивляться эльфу. Его неожиданная спутница не умела жарить грибы, но знала, что такое артерия. Она пугалась каждого шороха, но живо интересовалась всем вокруг — совсем как зверек... сбежавший из клетки.

— Ах, маленькая Л'еилэ, — с хитрой улыбкой пропел эльф.

Девочка прислушалась к его словам.

— Лисенок?

— Маленькая, беспомощная, но умная, — покачал он головой. — Ты получила неплохое образование, раз знаешь мой язык. Никак сбежала из какого-то дворца?

На этот раз его собеседница отвела глаза.

— Ну и как тебе понравилось убивать, «принцесса»? — усмехнулся эльф.

— Рыцарь предал меня! — сердито воскликнула его безымянная собеседница.

Эльф понимающе кивнул. Девочка смотрела на него блестящими глазами. Их выражение было ему до боли знакомо. И вдруг он передумал оставлять этого любопытного маленького зверька людям.

— Понравилось ли мне убивать? — повторила девочка, горько усмехнувшись и помахав перед собой прутиком, словно мечом. — Не знаю! Потому что я *ничего* не почувствовала.

Она выдохнула и гордо взглянула на эльфа.

— Что ты чувствуешь, когда срываешь грибы?

— Ничего, — улыбнулся эльф. — Ничего, моя милая Л'еилэ.

— Красивое имя, — кивнула девочка.

Впервые с их встречи она улыбнулась.

— Меня можешь называть Мат Миэ, — сказал эльф.

— Договорились, — согласилась девочка. — А ска-

жи мне, Мат Миэ, как называется это место? Где я нахожусь?

— Как говорят мои учителя, — загадочно ответил эльф, — ты там, где должна быть. Ты там, где нужна.

Ночь окутала их лагерь. Сквозь макушки сосен сияли звезды. В костре танцевали оранжевые языки пламени. Эльф достал флейту, и в воздухе разлилась красивая мелодичная музыка. Он играл. А Леилэ смотрела на небо, шмыгала носом и украдкой утирала слезы.

6. СТРАНА ВЕЧНОГО ЛЕТА

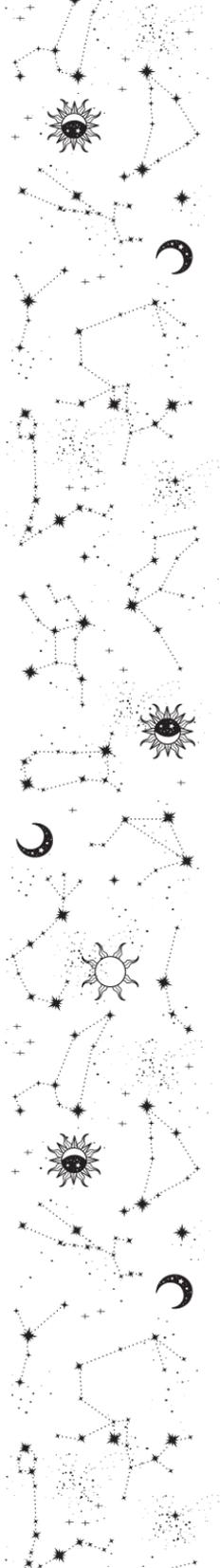
И сказал им Единый Создатель: «Во веки веков будете вы здоровы и счастливы, ибо неизменное лето дарую Я вам. И не узнаете вы ни недугов, ни голода, пока силы ваши будут направлены в труд и на благо, но не друг против друга.»

Тех же, кто ослушается Моего Закона, постигнет злой рок. Падут на их головы невзгоды и несчастья страшные.

«Легенды Энсolorадо»

Для девочки, ни разу не выходявшей за стены города, Леилэ быстро привыкла к странствиям. Она засыпала под открытым небом, мылась и стирала в холодных ручьях. А питалась в основном тем, что удавалось добыть собственными руками.

Мат Яти'Миэ Мертэза — таково было полное имя эльфа — был отнюдь не таким

миролюбивым, как говорилось об эльфах в старых сказках. Мужчина частенько приносил к их костру убитых животных.

— В природе есть свои Законы, — объяснял он за приготовлением еды. — Законы Единого распространяются на весь наш мир Сия.

Леилэ держала за ноги крупную заячью тушку, а эльф, аккуратно подрезая ножом места соединения кожи и мяса, стягивал шкурку сверху вниз, будто чулок.

— Закон первый, — сказал он. — Мир наполняет бесчисленное множество рек и ручьев, по которым течет сила жизни.

Несколькими ударами ножа Мат Миэ отсек заячью голову.

— Сила жизни — это кровь? — спросила Леилэ, замороженно наблюдая за тем, как стекает в чашу густая темно-алая жидкость.

— Кровь, но наполняющая не только твое тело, — мужчина указал острием ножа ей в грудь, — но и все вокруг! Это вѣтали. Она, как и кровь, должна беспрепятственно циркулировать: в земле, в воде и в воздухе, от одного существа к другому, от рождения к умиранию...

К тому времени как эльф закончил с тушкой зайца, подоспели и угли в костре. Мужчина поворошил их и, отодвинув чуть в сторону парочку еще горящих поленьев, установил вертел с мясом над огнем.

— Витали можно почуять, как запах, — продолжил он. — К примеру, лисы чуют запах плохой витали,

поэтому убивают самых слабых зайцев. Кому-то, кто вырос во дворце, — Мат криво усмехнулся, — это может показаться жестоким... Но благодаря жестокости лис заячий род становится сильнее.

— И ты тоже чуешь запах витали, верно? — уточнила Леилэ, с удовольствием вдыхая аромат поджаривающегося мяса.

Эльф лишь хитро прищурился и продолжил:

— Кроме запаха у витали есть и мелодия. Она различается у эльфов и людей, у лесов и городов. Если петь созвучно этой мелодии, то песня всегда будет радовать слушателя и...

— ...А если фальшивить? — взволнованно перебила его Леилэ.

— То попрячутся не только люди и эльфы, но даже грибы и ягоды, — пошутил эльф.

Девочка от души расхохоталась, живо представив себе эту картинку.

— Ты не спрашивала себя, от чего так быстро поверила незнакомцу при нашей первой встрече? — строго оборвал ее веселье Мат Миэ.

— Мы пели вместе, — вспомнила Леилэ.

— Наши души пели на одном языке витали, — объяснил Мат. — Мы нашли единую мелодию.

— А могли и не найти, — вздохнула Леилэ.

— Закон второй, — продолжил эльф. — Будь ты травоядное животное или хищник, помни: на всех найдется свой охотник! Эльфы называют его сьйда́м. Или венáтор — на древнем языке. Охотник необходим всем живым существам, в том числе

и самому охотнику. Съидам следит за чистотой витали.

— Съидам чуют как волки? — вновь задала вопрос девочка.

— ...Или лисы, или любые другие хищники, — ответил эльф. — Горе тем, кто лишился своего охотника. Род, в котором нарушено естественное течение силы, неизбежно обречен на болезни, вырождение и забвение.

— А я смогу научиться слышать мелодию витали и чують ее запах? — поинтересовалась Леилэ.

— Кое-что ты уже умеешь, — улыбнулся Мат Миэ. — Иначе я бы не стал тратить на тебя свое время...

Девочка не до конца понимала, что конкретно имеет в виду ее наставник. Русла, о которых он говорил, были невидимыми. А охотниками эльф называл не только себя или волков, но и болезни, войну и зиму.

Мат Миэ не носил с собой видимого оружия: ни лука за плечами, ни меча за поясом. Однако его одежда была полна потайных карманов и ремешков, в которых он прятал метательные ножи и дротики для духовой трубки. На виду Мат хранил лишь две флейты, одна из которых предназначалась не для музыки.

«Мы там, где *нужны*, — любил повторять эльф. — Истинного охотника ведут сами дороги. Куда бы он ни шел, он всегда оказывается там, где должен быть».

А оказалась девочка в Энсолорадо — в Стране вечного лета.

И в самом деле, погода здесь почти не менялась. Иногда Мат называл страну Единым королевством. Он рассказывал, что многие столетия назад разрозненные королевства Семи Ветров объединились под властью могучего короля и его жестокого волшебника.

На севере материка, за цепью великих гор Аркха, простирающихся от востока до запада, лежали другие страны. Хребты Аркха и суровые зимы представляли непреодолимую преграду для завоевателей. Никакие короли и волшебники не решались покушаться на Северные земли, и поэтому их называли Свободными королевствами.

Эльф и девочка путешествовали по Энсолорадо. Они шли вдоль Белого моря, лесами и полями, проходили города и деревни, нигде не задерживаясь больше чем на день, никогда не ночуя на постоянных дворах и не питаясь в тавернах. Только один раз Мат Миэ провел Леилэ по торговым рядам в людских кварталах, чтобы подобрать своей ученице необходимые в пути вещи и заменить ее обноски удобной мальчишеской одеждой.

Новый мир завораживал, восхищал и пугал Леилэ. Его жители не были похожи на людей, которых девочка знала по родному миру. Они были злее и одновременно веселее, они много разговаривали и причудливо пахли.

Впрочем, то же самое Леилэ стала замечать и за собой. Хотя ее внешность не изменилась — как девочка могла убедиться, добравшись до зеркалаца, —

чувство свободы повлияло на ее характер. Самое главное, чему научилась Леилэ, — это громко смеяться.

Помимо людей Энсолорадо населяли самые разнообразные создания. На большой дороге человека запросто могли ограбить и даже убить, а в лесу — еще и съесть. Чтобы жить в этом мире, нужно было выучить традиции и повадки его обитателей. Ученица схватывала все буквально на лету, ведь каждое новое знание приводило Леилэ в восторг.

Мат учил ее приемам, которые позволяли девочке чувствовать себя в безопасности как в диких лесах, так и в шумных городах. Эльф объяснял ей, в какое время суток можно безбоязненно ходить по заповедным пушам, а когда нужно спрятаться; где это сделать — и как поступить, если укрыться негде. Он рассказывал, как не обидеть леших и кикимор, как почтить водяных и полевых, как избежать столкновения с нечистью в полдень или в полночь.

Леилэ узнала, как вести себя с бандитами, чтобы не быть ограбленной, и самое сложное — как разговаривать с продавцами, чтобы не быть обманутой. Эльф учил ее быстро ориентироваться в пересечениях улиц, заводить знакомства, хитрить и исчезать, используя не только дороги, но и крыши домов.

Мат объяснял девочке, как правильно передвигаться в толпе, использовать свет солнца днем, различные фазы луны — ночью, и тени — в сумерках. Он показывал, как рыбачить и ставить силки, метать ножи, швырять камешки с помощью пращи.

Путники странствовали, обходя большие тракты, а иногда держась и вовсе невидимых дорог. Эльф называл их сумеречными, или лисьими, тропами. Мат говорил, что они существуют где-то между мирами людей и духов, а проложили их таинственные лигнитлеи.

Эти древние духи населяли мир Сия с самого его сотворения. Как говорилось в легендах, лигнитлеи вышли из-под земли вместе с первыми деревьями. Однако, как в те времена, так и поныне, они оставались скрытыми от любопытных глаз и показывались лишь тому, кого считали достойным.

И только избранным лигнитлеи доверяли часть своих знаний: например, тропы, по которым можно следовать быстро и незаметно на короткие расстояния. Ходили слухи, что духи проложили еще и норы, по которым можно было пересечь самое большое море и самую высокую гору в мгновение ока, но ничего подобного Мат никогда не встречал.

Леилэ подозревала, что через такую вот нору ее душа и попала в новое тело. Ей страшно хотелось разузнать подробнее о лигнитлеях и рассказать правду о себе... Но все это время ее не покидало ощущение, что эльф многое недоговаривает, поэтому девочка не спешила обсуждать с ним и собственные секреты.

7. СТРАННИК

Однажды путники приблизились к портовому городу Бейрамору. Мат рассказывал Леилэ, что по величине и красоте Бейрамор лишь немногим уступает Самторису — столице Энсолорадо. Все самые удобные и безопасные пути от Южного континента Эльжануба до Северного Вариаса проходили через Белое море, поэтому город, расположенный на его берегу, по праву считался одним из важнейших торговых центров страны.

Войдя в Бейрамор через Приморские ворота, путники оказались на набережной. Море переливалось солнечными бликами, и ветер наполнился его соленым дыханием, смешанным с запахами пряностей, масел, невиданных и диковинных товаров, людей и нелюдей.

Какие только создания не проходили мимо эльфа и его ученицы, спеша по своим делам! В пестром шуме толпы то и дело раздавались окрики торговцев, громовые

приказы капитанов, задорный женский смех и грубая матросская брань.

Порт пестрел от кораблей. Грузные китобойные суда, баржи и быстроходные шхуны толпились у пристани, похваляясь белизной парусов и многоцветьем флагов.

В городе жили, проезжали мимо или гостили самые разнообразные существа! Люди и эльфы с Южного континента отличались смуглым цветом кожи, мягкими чертами лица и яркими одеждами. Светловолосые северяне Единого королевства носили одежды более спокойных оттенков. Жители его прибрежной части были невысокими и худощавыми, как высушенная рыба, которую они продавали. А среди восточных горцев встречались настоящие великаны.

Леилэ увидела гномов и цвергов из Свободных королевств, что лежали на севере за горами Аркха. Все они были невысокого роста и крепко сложены. Но гномы носили длинные, заплетенные в косы бороды, а цверги предпочитали стричь бороды коротко, зато поистине впечатляющими были их крючковатые носы!

Встречались на улицах упитанные и полностью покрытые короткой шерстью карлики из западных земель Оес'ши и совершенно безволосые малыши в шелковых одеждах из страны Калос, что лежала за морями на Южном материке. Эльф объяснил, что изначально они принадлежали к одному племени, и до сих пор в Энсолорадо их называют людки, то есть маленькие люди. На востоке Единого королевства жили

их антиподы а́грии — очень высокие люди, считающие своими предками первых великанов.

Купцы из Свободных королевств везли на продажу кожу и меха, драгоценные камни, металлы и ювелирные изделия. С Южного континента Эльжануба на рынки Бейрамора поступали диковинные сладости, овощи и фрукты, пряные благовония и тончайшие ткани.

Знакомые Леилэ только по книгам картофель и какао присылали из страны Добу́р. Из Джаэру́ба везли масла, пряности, сладкий перец, томаты и баклажаны. А шелка, черный и желтый чай, белый и красный рис — из Калоса. В свою очередь, энсоларийцы отправляли за море лен, пшеницу и главную гордость — вино.

У Леилэ даже голова закружилась, так часто она ею вертела в попытке оглядеть все и сразу.

— Некрасиво, а порой и опасно пялиться на окружающих так бесстыдно, — сделал замечание Мат Миэ. — Помнишь, что я говорил про взгляд?

Девочка кивнула:

— Взгляд привлекает внимание! Смотреть нужно из-под опущенных век и самым краешком глаз.

Леилэ очень старалась использовать боковое зрение, но оно не позволяло рассмотреть все в подробностях, поэтому маленькая ученица все чаще хитрила, скрывая неумемный интерес не от прохожих, а от собственного наставника.

Она была в восторге от кораблей и товаров, которые они привозили, от заморских гостей в причудли-

вых одеяниях, от загадочных странников, прячущих лица, от веселых и приветливых горожан. Бейрамор не был похож на унылые людские городишки и селения, через которые они с Матом проходили раньше.

Пожалуй, девочка согласилась бы остаться здесь и подольше, чтобы как следует все изучить, но у Мата Миэ имелись свои соображения. Эльф дал ученице время до захода солнца, наказав ей слушать мелодию витали города, наблюдать и запоминать, а сам исчез. Обрадованная его уходом и немало проголодавшаяся, Леилэ незамедлительно проследила за движением толпы и направилась изучать базар.

Торговые ряды тянулись целыми улицами! Если в порту было многолюдно, то здесь от шума и ароматов у маленькой странницы заложило уши и нос. Девочка старательно выполняла упражнение, данное наставником, но общая мелодия рынка оказалась чересчур крикливой и шумной. Куда интереснее Леилэ было разобраться в отдельных ее нотах; к примеру, в пестроте языков, на которых здесь общались.

Поначалу от многообразия произношений у Леилэ в голове все смешалось и запуталось. Но потом девочка представила, что она слышит не слова и буквы, а мелодии. И дело пошло живее.

Ранее Мат уже рассказывал ей, что все языки мира Сия родились от семи *древних праязыков*, на которых говорили еще сами боги. Праязыки он называл *отцами* семейств. Семьи состояли из *сыновей*, у сыновей были *внуки* и *правнуки*.

— Каждый отец носит имя одного из богов: Ота, Элибир, Добур, Калос, Альтир, Падар и Тад, — говорил эльф. — Некоторые отцы такие старые и дряхлые, что утратили голоса. От них произошли многие названия и имена, однако в первоначальном виде немые языки используют только ученые и маги. Моих северных сородичей говорить научил бог О́та Беловолосый. Оти́йский используют за Аркхом, а за последние столетия он утратил голос... Онемел и его брат — язык нелюдей, который придумал бог Пада́р.

Отец Альти́р Сказочник породил семейство человеческих языков всего Северного континента Вариаса. Сам Альтир утратил звучание и стал называться древним¹. Но в Свободных королевствах за горами Аркха общаются при помощи его многочисленных северных сыновей и внуков. А люди Энсолорадо вот уже две тысячи лет говорят на его энсолорийском отпрыске. В разных частях Единого королевства встречаются младшие альти́рские внуки: наречия и диалекты. Важную роль в разговорах играет не только произношение, но и жестикауляция. Южане активно размахивают руками прямо перед лицом собеседника. Северяне проявляют сдержанность. В длину Энсолорадо так велика, что жесты, которые на западе означали дружелюбие, на востоке вполне могут принять за оскорбление.

---

¹ Древнеальти́рский язык схож с латынью. Далее будет обозначаться: древнеальтирский (*лат.*).

— А мое имя? — поинтересовалась Леилэ. — К какой семье относится «лиса»?

— Твое имя придумал Элибёр Мудрый, — ответил Мат. — На элибирском говорят эльфы Юга. Творение отца Элибира столь прекрасно, что сохранилось до нынешнего времени!

Теперь, вышагивая вдоль торговых рядов, девочка заметила, что и люди с Южного континента часто используют элибирский, разговаривая друг с другом. Но если эльфы пели как соловьи, то люди скорее каркали и стрекотали.

— Элибир и его братья Добур и Калос породили всю семью Эльжануба, в том числе и человеческие языки, — вспомнила она слова наставника. — Правда, люди сильно упростили древние знания.

Гномы, цверги и другие нелюди Северного королевства общались при помощи сыновей Та́да Угрюмого. Тада́йский не отличался многословием, но каждая фраза отражала множество значений. Этот язык Леилэ почти не понимала. Его рваная, прыгающая мелодия напоминала ей невнятное бурчание и вызывала смех.

Девочка бродила по улицам, прислушиваясь к разговорам, разглядывая людей и нелюдей. По сравнению со здешними жителями Леилэ в своей потертой зеленой курточке и истоптанных сапожках выглядела словно дикий лесной зверек. Она не желала заплетать косы, так и ходила с растрепанными волосами.

Не обратив ни малейшего внимания на витрины с ювелирными изделиями, у которых вздыхали другие

девочки, Леилэ протиснулась сквозь толпу мужчин, окруживших оружейную лавку. Начищенный металл сиял на солнце привлекательнее всяких бус и колечек.

Какого только оружия здесь не продавали! На витрине можно было увидеть кривые сабли, боевые молоты, серпы и секиры из Свободных королевств, длинные мечи с двойным изгибом и пламенеющими лезвиями — с Южного континента.

Мат выдавал своей ученице кое-какие лузы — монеты Энсолорадо с изображением солнца с семью лучами, — но обычно их хватало лишь на сладости да на мелкие вещички. И даже о самом простеньком мече она могла только мечтать.

Впрочем, чудеса случались время от времени. Чуть ранее девочка потратила две медные лузы на гребень для волос, украшенный резными цветочками незабудок. А в придачу к нему улыбчивый эльф-продавец с необыкновенными для эльфов рыжими кудрями вручил Леилэ карманное зеркальце.

Это был поистине царский подарок! Даже самое крохотное зеркальце такой чистоты и блеска стоило гораздо дороже гребня, а может, и меча... На оправе из черепашьего панциря была выгравирована надпись, из которой видны остались лишь три слова на древнеальтирском: Кайкэс, Мугэс, Сурдэс.

Но у оружейной лавки чуда не повторилось. Девочка разочарованно отвела взгляд от мечей и принюхалась. Запах свежей выпечки манил Леилэ не меньше, чем блеск клинков. В пути ей редко удавалось полакомиться сдобными булками, а уж в своем мире

о свежем хлебе из настоящей пшеницы она только читала.

Леилэ прошла мимо навесов, в тени которых продавали разноцветные ткани, гончарные и деревянные изделия, фрукты и овощи, мясо и рыбу, и наконец оказалась перед хлебной лавкой. Здесь она накупила золотистых пирогов и глазированное яблоко.

Увидев это, Мат наверняка отругал бы ее за прожорливость. Почему-то он считал, что человеческим девочкам полезно оставаться полуголодными. Но эльф был далеко, а Леилэ ужасно хотелось булочек. Особенно ей не терпелось попробовать пирожки с настоящей, выросшей под землей картошкой! В конце концов, она же не транжирила лузы на браслеты и бусики, а значит, имела право насладиться чем-то другим!

В центре Бейрамора на холме возвышались величественные золотые купола храма Единого. Ниже шли дома с пестрыми разноцветными крышами, где проживали богатые купцы и ремесленники. По окраинам ютились скромные, но опрятные, выкрашенные белой краской мазанки рыбаков и крестьян. От самого храма к морю спускались улицы, между которыми, словно зеленые щупальца какого-нибудь гигантского морского гада, стелились фруктовые и цветочные сады. Туда-то со всем своим богатством, завернутым в бумагу, и побежала Леилэ.

Оказавшись в саду, девочка выбрала себе одно из самых укромных местечек: достаточно высокое, чтобы любоваться морем, и в то же время подальше от натоптанных тропинок и шумных детских компа-

ний, которых она побаивалась. Удобно устроившись в раскидистых ветвях старой яблони, Леилэ принялась было за пирожок, как вдруг внизу увидела мальчика.

Он появился будто из ниоткуда и был таким худеньким и белокожим, что больше походил на какого-нибудь призрака. Да и одет мальчик был странно: в облегающие штанишки и синий камзол, расшитый золотыми звездами.

Не заметив Леилэ, он сел под облюбованной ею яблоней и уставился на море.

— Эй! — сердито крикнула ему девочка на всеобщем языке.

— Здравствуйте, — учтиво поздоровался мальчик, оглядываясь по сторонам. — А где вы?

— Да тут я, — ответила Леилэ, слезая с яблони.

Она отряхнулась от листьев и веточек, одновременно внимательно рассматривая паренька. Мальчишек, в общем-то, она недолюбливала, но этот был какой-то очень уж странный. Она собиралась было сообщить ему, что это ее место, но, заглянув в грустные голубые глаза мальчика, вынула из мешка пирожок и протянула ему.

— Хочешь?

— Благодарю!

Он принял дар Леилэ с такой искренней радостью, что все ее опасения развеялись. Вместе они уселись на траву и принялись уплетать румяную выпечку. Мальчик с интересом посматривал на Леилэ, а потом вдруг спросил:

— Ты ведь тоже не отсюда?

— Ну да, — кивнула девочка. — Я в этом городе по важному делу.

— Я имел в виду, что ты не из этого мира, — будничным тоном уточнил паренек.

Леилэ ощутила, как у нее по спине пробежали мурашки. Она перестала жевать и сердито посмотрела на незнакомца, который вот так просто взял и разгадал ее страшную тайну.

— Ах, прости, я все время забываю, что странники не любят себя раскрывать, — примирительно улыбнулся он, видя замешательство девочки. — Я и сам нездешний — путешествую по разным сферам, поэтому сразу вижу других странников.

— По сферам? — переполошилась Леилэ.

Она вспомнила, что Белова говорила о сферах, и от удивления чуть не выронила пирожок, перепачкав пальцы в вишневой начинке.

— Сфера — это другое название мира, — пояснил мальчик.

— Значит, ты можешь переходить из одного мира в другой? — охнула Леилэ. — А я-то думала, что одна такая!

— О нет, таких, как мы, немало, — покачал головой незнакомец. — Вот на прошлую луну я встретил другую странницу. Она рассказала мне про пиратов и кенгуру и еще множество разных историй. Рыжая и очень веселая девочка, — задумчиво добавил он. — Вся в веснушках!

Леилэ готова была сама подпрыгнуть, как кенгуру, от удивления и радости.

— И где же сейчас эта странница? — поинтересовалась она, облизывая пальцы от вишневого варенья.

— Села на большой корабль и поплыла дальше, — ответил мальчик. — Ты знаешь, что этот город, как большой перекресток? Здесь можно найти любой путь себе по душе.

— Ну надо же, перекресток, — недоверчиво прошептала Леилэ. — Но ты сказал, что странники не любят себя раскрывать. Почему же так?

— Это все из-за глупости тех, кто путешествовать не умеет, — вздохнул мальчик. — Дело в том, что есть миры, открытые для странников, а есть — закрытые. Любой мир изначально был закрыт, но с возрастом они открываются, будто спелые стручки гороха... Некоторые считают, что открытый мир — это плохо. Ведь он становится доступен не только для добрых странников, но и для зла! Поэтому жители сфер не любят всех пришельцев без разбору...

— Вот как. — Девочка удрученно поджала губы, но через миг уже вновь загорелась любопытством. — Значит, ты путешествуешь по мирам... — повторила она. — Но скажи, как же тебе удастся понимать чужие языки?

— Ах, это легче простого! — с важным видом ответил мальчик. — Стоит только выучить несколько, и все остальные начинаешь понимать с первых же слов. Это свойство всех странников, — он хихикнул, — и твое тоже. Представь себе, сейчас мы с тобой говорим на гораусийском, а ты даже не заметила...

— Ой! Никогда не была в Гораусии! — расхохоталась Леилэ.

Некоторое время они обсуждали Гораусию и другие миры, где успел побывать странник.

— А куда ты направляешься дальше? — с затаенной завистью поинтересовалась девочка.

— Я просто путешествую, и все, — сообщил мальчик. — Хочу найти друзей и узнать разные вещи...

— Найти друзей, — передразнила его Леилэ. — Все хотят найти друзей, только где же их взять?

— Хочешь, будем с тобой дружить? — предложил мальчик. — Я — Принц, а ты?

— А я — Лиса, — смущенно улыбнулась в ответ девочка.

— Я странник!

— И я!

— А какая у тебя самая заветная мечта? — вдруг спросил Принц.

— Да она глупая... — робко произнесла девочка.

— Ты все равно Расскажи! — подбодрил ее мальчик.

— Ну хорошо, — нехотя согласилась Леилэ. — Понимаешь, — осторожно начала она, — когда-то я прочитала сказку о принцессе и драконе. И с тех пор мне очень хочется посмотреть на настоящего, живого дракона!

— Это умная мечта, ведь настоящие драконы — большая редкость, — понимающе кивнул Принц. — А я всегда мечтал увидеть море. Моря — это не редкость, но в моем мире их нет...